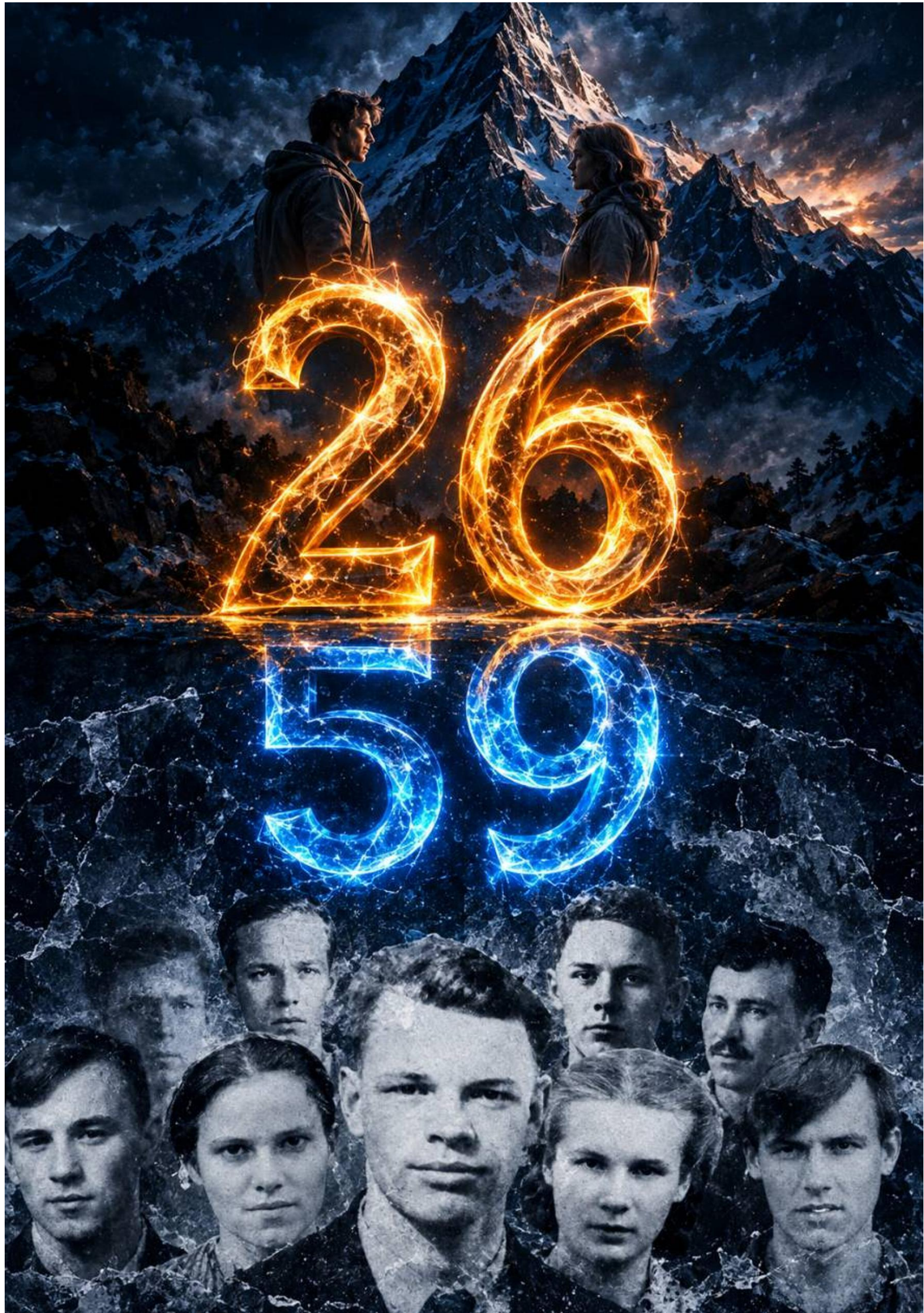

Надя Широкова

**ПЕРЕВАЛ ДЯТЛОВА.
ЗЕРКАЛО ВРЕМЕНИ.**

«Автор»

2026

Широкова Н.

ПЕРЕВАЛ ДЯТЛОВА. ЗЕРКАЛО ВРЕМЕНИ. / Н. Широкова —
«Автор», 2026

«Перевал Дятлова. Зеркало времени» (Книга 3) Урал умеет проверять на излом, но в этот раз Гора Мертвецов перепишет саму физику времени. Они шли на легендарный Перевал Дятлова в рамках обычного, хоть и сложного похода. Одиннадцать опытных туристов, готовых к суровым северным ливням, грязи Ауспии и крутым курумникам. Но то, с чем команда столкнулась на склоне Холатчахла, невозможно объяснить соображениями городского цинизма. Здесь, среди гранитных останцев и потемневших вековых идолов, время теряет свою линейность. Наш современный две тысячи двадцать шестой год внезапно сталкивается лицом к лицу с ледящим пятьдесят девятым. Им предстоит не просто выжить под невидимым куполом шторма. Им придётся заглянуть в зеркало прошлого и понять, какую цену нужно заплатить, чтобы замкнуть вековой контур Хранителей. Перед вами — третья книга серии, финальный и самый опасный маршрут уральской трилогии Нади Широковой. Вы готовы ступить на Млечный Путь Уральской Тропы? Приключения начинаются.

© Широкова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1. УТРЕННЯЯ НЕЖНОСТЬ.	7
ГЛАВА 2. РАЗГОВОР НА РАВНЫХ.	10
ГЛАВА 3. В ПУТЬ.	12
ГЛАВА 4. В ОБЪЯТИЯХ ИВДЕЛЬЛАГА.	15
ГЛАВА 5. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ТРОПЕ НА ПЕРЕВАЛ.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Надя Широкова
ПЕРЕВАЛ ДЯТЛОВА.
ЗЕРКАЛО ВРЕМЕНИ.

Глава

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Безумцы прокладывают пути, по которым следом пойдут
рассудительные.*
Фёдор Достоевский

Дорогие мои читатели, перед вами третья книга о приключениях Инги и её друзей. И эта книга для меня самая знаковая. В ней я буквально открываю вам свою душу, рассказывая о своих личных переживаниях и ощущениях во время похода на перевал Дятлова.

Я очень уважаю память погибших ребят. С трепетом и любовью я вспоминаю о них, об их жизни и об этом последнем походе. Я не хочу выдвигать версий, рассуждать о фактах и расследованиях. Я хочу разобраться, для ЧЕГО произошла эта трагедия, и придать ей светлый смысл. Когда книга была уже закончена, и я вносила последние штрихи в главы, совершенно случайно узнала о проекте «Зеркало времени». Название для книги было придумано давно, оно пришло ко мне, когда я смотрела в зеркало на свою рану на лице. Я была очень удивлена, как мои идеи совпали с авторами этого проекта, даже название совпало.

Кто-то скажет: «Наивная, история на один раз...» Пусть так. Для меня и моих друзей это было не на раз, а навсегда... Впрочем, как и у группы Дятлова.

С огромной благодарностью к «Девятке» за то, что это место стало благодаря им таким популярным и тысячи людей со всего мира едут и едут сюда, в эти дикие места, каждый за своим смыслом.

Роман основан на реальных событиях и материалах дела группы Дятлова. Все мистические линии являются художественным вымыслом автора, созданным с глубоким уважением к памяти погибших туристов.

ГЛАВА 1. УТРЕННЯЯ НЕЖНОСТЬ.

Воздух над стойбищем манси у подножия Холатчахля был густым, пахнущим дымом костров, вяленным оленьим мясом и сырым мхом. Тринадцать тысяч лет назад это место дышало первобытным, суровым лесом. Племя было занято обычными утренними делами. Женщины чистили шкуры, мужчины проверяли тетиву луков и охотничьи капканы. Последнее время племя отступало все выше и выше в горы от настигавшей их воды.

У дальнего чума молодая, сильная Олми бережно расчёсывала костяным гребнем свои длинные тёмные волосы. Вокруг нее расположились самые сильные воины племени. Каждый был занят делом, кто натягивал лук, кто точил наконечники для стрел, кто смазывал жиром свои доспехи, а рядом высокий, покрытый шрамами Ринтем методично правил каменный топор.

Но в их движениях сквозила тревога. Члены племени то и дело испуганно поглядывали вверх — туда, где над вершиной Хребта стремительно наливалось свинцом, закручивалось в злое воронку тяжёлое, неестественно тёмное небо. Ветер внезапно стих, и над тайгой воцарилась мёртвая, удушливая тишина.

И вдруг эту тишину разорвал звук. Это был не гром. Это был утробный, вибрирующий, бьющий прямо в солнечное сплетение гул шаманского бубна. Он катился по склонам, содрогая землю. Старейший шаман призывал своё Воинство Хранителей на последний, роковой бой со стихией Куль-Отыра. Ринтем и остальные воины резко вскинули головы, Олми выронила гребень из рук... Гул нарастал, заполняя всё пространство, превращаясь в оглушительный звон...

Я стояла рядом на поляне возле саней, и наблюдала со стороны за племенем. Олми — Возрожденная посмотрела мне прямо в глаза и протянув руку, коснулась моих волос.

Влад проснулся первым. Он, как и всегда, с нежностью начал разглядывать спящую Ингу. Её золотистые волосы рассыпались по подушке упругими локонами, на щеках лежали тени от длинных ресниц, маленький курносый носик, пухлые губы. Тут его взгляд задержался подольше, и он почувствовал жар внутри.

Судьба свела его с этой хрупкой и в то же время сильной женщиной не так давно: всего два месяца назад они впервые встретились на Большой Уральской Тропе. С тех пор Влад полностью погрузился в водоворот чувств, позволив себе любить и быть любимым. Он потянулся рукой, чтобы тихонько погладить ее волосы — такие красивые в рассветных лучах. Инга завозилась от его прикосновения и открыла сонные глаза. Влад тут же закрыл свои и притворился спящим...

Я резко открыла глаза и села в постели. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее. В ушах всё ещё вибрировало эхо далёкого первобытного бубна. Но вокруг была залитая мягким утренним солнцем уютная комната в Екатеринбурге, шторы тихонько покачивались от сквозняка, а рядом мирно посапывал Влад. Он лежал так близко, повернув голову ко мне, что я невольно стала разглядывать милое мне лицо: густые брови, небольшую складочку между ними — особенно заметную когда он был чем-то озабочен, — длинные ресницы, которые едва трепетали от его дыхания, волевой нос, с красивой горбинкой, его губы... Да, его губы такие теплые и уже родные, щетина на подбородке... внутри живота затрепетали бабочки... этот мужчина привлекал меня все больше и больше: его поцелуи, прикосновения. Мой взгляд плавно перешел на щеки, где прятались мои любимые ямочки, и тут я заметила, что Влад наблюдает за мной сквозь ресницы!

— Ах ты обманщик! Притворяешься, что спишь! — воскликнула я, не скрывая возмущения. — Мне сейчас такой странный сон приснился — про какое-то древнее племя. Ты поедешь со мной на перевал? Времени уже мало осталось!

Влад засмеялся и схватил меня в объятия своими крепкими, сильными руками.

— Малышка моя, нет, не могу, не поеду. Езжай с ребятами, — он начал щекотать меня, зная, что я страшно боюсь щекотки.

Я извивалась и смеялась вместе с любимым человеком, а солнце, пробиваясь в окно рассветными лучами, делало утро таким прекрасным. Наша возня постепенно переросла в объятия и поцелуи, мгновенно зажигая наши тела взаимным притяжением...а вокруг звучала музыка из песни «Придумаю – ЯАВЬ»

Я придумаю нас другими
Не такими
Но все равно ты останешься сильным
А я такой же красивой
Я придумаю нам другие
Имена и фамилии
И чтобы не знали их остальные
И чтобы не отпустила тебя
Возле тебя в этом воздухе там много слез
Меня видно насквозь, смотри
Возле тебя в этом космосе так много звезд
И взрывается все внутри
Возле тебя в этом воздухе столько всего
Даже нет таких слов, пойми
Возле тебя в этом космосе так много звезд
Так много звезд моих
Я придумаю нас другими
В новом мире И подарила мне крылья
Я придумаю нам другие
Все сюжетные линии
И концовка была бы счастливой
И сердце больше не ныло бы так

Вечером я сидела на краю дивана, задумчиво перебирая пальцами свои новые локоны. Подготовка к походу на перевал Дятлова шла полным ходом. На полу передо мной было разложено моё новое туристическое снаряжение.

Специально для этого тяжёлого похода я купила новую облегчённую одноместную палатку Naturehike Cloud красивого лунного цвета — она весила всего полтора килограмма. Ещё были надувной коврик, насос к нему, спортивные носки и спасательное одеяло. Всё моё снаряжение вместе взятое весило меньше, чем моя старая трёхместная палатка.

Хорошо, что в этом походе у нас будет инструктор-проводник Ника, которая уже много раз бывала в этих местах. Для меня и для Вовы этот поход будет учебно-тренировочным — и от этого он кажется немного легче.

На душе было беспокойно. Липкий, холодный предстартовый мандраж то и дело подступал к горлу.

Влад стоял у окна, глядя на сгущающиеся над городом сумерки. Его широкие плечи были напряжены, а руки глубоко задвинуты в карманы анорака. За все эти дни сборов он почти ничего не говорил, и это молчание Хранителя давило сильнее грозовых туч.

— Влад, — тихо позвала я, не выдержав этой звенящей тишины. — Пожалуйста, не молчи. Поехали со мной. Ребята в группе будут только рады. С твоим опытом нам никакие болота Северного Урала не страшны. Почему ты отказываешься?

Влад медленно обернулся. В полумраке комнаты его глаза казались неестественно темными, глубокими, а на щеках застыло жесткое, почти болезненное напряжение — от привычных мягких ямочек не осталось и следа. Он подошел ко мне, опустил на корточки и бережно взял мои ладони в свои огромные, теплые ладони.

— Ингусь... я не могу, — хрипло, с трудом произнес он. — Господи, если бы ты знала, как я хочу бросить всё и пойти замыкающим за твоей спиной. Тащить твой рюкзак, разводить тебе костры под этим чертовым северным ливнем, закрывать собой от ветра... Но мне нельзя. Физически нельзя переступить черту Ивделя.

— Но почему?! — в моем голосе прорвалась обида. — Ты ведь Хранитель! Твоя сила...

— Моя сила принадлежит Югу, Инга! — перебил он меня, и в его голосе впервые звенящим металлом отозвалась древняя магия гор. — Хребет разделен не нами, и законы писали не мы. На Севере, в районе Холатчахля и Отортена, веками правят другие духи. Там земля манси, там Сорни-Эква. Если я, Хранитель Южного Урала, явлюсь туда со своей энергией Кристалла — это будет воспринято как объявление войны. Пространство сойдет с ума. Нарушится сакральный баланс. На вашу группу обрушится такой шторм, который сотрет вас со склона в первые же минуты. Мое присутствие погубит вас, понимаешь?

Я молча смотрела на него, чувствуя, как внутри всё сжимается от осознания этой жуткой, древней правды.

Влад вздохнул, и его голос снова стал мягким, домашним. Он чуть крепче сжал мои пальцы.

— И есть ещё кое-что, самое важное. Кир. Твой сын остаётся здесь, со мной. Нам нельзя рисковать обоими. Если там, на Севере, Гора начнёт проверять тебя на излом — я должен быть здесь, на Юге, в полной силе. Чтобы держать твой тыл. Чтобы уберечь нашего мальчика, если реальность начнёт трещать по швам. Кир останется под моей абсолютной защитой, обещаю тебе. Я очень люблю Кира и хочу, чтобы он считал меня своим отцом.

Он потянулся к моей шее и бережно застегнул старый потёртый шнурок, на котором покачивался невзрачный осколок сиреневого кварца. Камень мгновенно отозвался на коже спасительным живым теплом.

— Этот путь ты должна пройти сама, Инга, — прошептал Влад, нежно прижимаясь лбом к моему лбу. — Покорить свои собственные слабости перед лицом Горы Мертвецов. Но помни: где бы ты ни прошла, на каком бы скользком курумнике ни оступилась — мой камень на твоей шее пошлёт мне сигнал. Я пробью это расстояние. Я соберу всю силу Иремеля и удержу тебя сквозь сотни километров. Слышишь? Я защищу тебя. Иди и ничего не бойся.

ГЛАВА 2. РАЗГОВОР НА РАВНЫХ.

После тяжёлого разговора с Владом прошла неделя, но его слова о жестких границах Хранителей и сакральном балансе Севера всё ещё глухо отзывались в моих мыслях. До поезда на Ивдель оставалось всего два дня.

Вечером я зашла в комнату к сыну. Он сидел за столом, уткнувшись в экран компьютера, но стоило мне прикрыть за собой дверь, как он выключил игру и повернулся. В его глазах — уже не детских, но ещё по-подростковому ранимых — читалась глухая, затаённая обида. Он всё знал. Он видел собранный рюкзак у двери. Я мягко опустилась на край его кровати и протянула правую руку, приглашая сесть рядом.

— Сын, давай поговорим, — тихо сказала я. Он нехотя пересел ко мне, скрестив руки на груди и уставившись в пол.

— Ты снова уезжаешь, да? И снова меня не берёшь. В прошлый раз на Юрюзани ты обещала, что следующий большой поход будет нашим. А теперь вы уезжаете на Перевал Дятлова с дядей Вовой и тетей Настей, а я опять остаюсь.

Я вздохнула, чувствуя, как сердце сжимается от родительской вины. Но я четко знала: с ним нельзя сюсюкать, он вырос и заслуживает честного, взрослого ответа.

— Я помню свое обещание, родной. И я очень хотела, чтобы ты поехал. Но этот поход... он другой. Северный Урал — это не ласковые скалы Южного Урала. Там нет тропинок, там болота по колено, ледяные штормы и глухая, суровая тайга, которая проверяет людей на излом. Мне будет очень тяжело, Кир. Но самое главное не это. Я мягко коснулась его плеча, заставляя посмотреть мне в глаза. — На Перевале Дятлова действуют свои, очень древние и опасные законы. Гора Мертвецов не прощает ошибок. И Влад... он остаётся здесь не просто так. Он — Хранитель Юга, его сила огромна, но там, на Севере, она бессильна.

Кирилл нахмурился, вслушиваясь в мои слова. Его внутренний реалист отчаянно пытался спорить, но авторитет Влада и серьёзность материнской интонации брали верх.

— Влад будет рядом с тобой, — продолжала я, и в моем голосе звенящим металлом отозвалась стальная уверенность. — Вы будете ходить на рыбалку, строить плот, учиться разводить костры под дождём. Он научит тебя всему, что знает сам. Вы двое — моя главная опора. И пока вы здесь, держитесь друг за друга и защищаете наш дом, я там, на Севере, буду знать: у меня есть надежный тыл. Нам нельзя рисковать обоими, понимаешь? Ты — моё сердце. И моё сердце должно быть в абсолютной безопасности, под присмотром Хранителя.

Кир молчал несколько секунд, переваривая услышанное. Обида в его глазах медленно уступала место гордости — гордости от того, что ему доверили такую важную, по-настоящему мужскую задачу. Он шмыгнул носом и едва заметно кивнул.

— Ладно... — буркнул он, и на его лице проступила едва уловимая, взрослая улыбка. — Присматривай там за своими городскими туристами. А за нас с Владом не переживай. Мы тут такой плот отгрохаем — сама обалдеешь, когда вернёшься.

Я крепко прижала его к себе, вдыхая родной запах. На шее, под кофтой, приятно и спасительно отозвался теплом кварцевый камень Влада. Первая, самая важная граница была пройдена. Тыл был защищён.

За день до поезда Влад приехал помочь с финальной укладкой рюкзака.

Атмосфера в доме была тёплой, пахло свежесваренным чаем с чабрецом и сливовым пирогом. Кирилл крутился рядом, на равных обсуждая с Владом чертежи их будущего плота. Напряжение прошлых дней, казалось, немного отпустило. Инга, затягивая стропы своего огромного красного рюкзака, мимоходом заметила:

— Ну всё, раскладку по еде утвердили. Нас в итоге едет ровно девять человек. Идеальное число для заброски на одном ГАЗ-66, никто на головах сидеть не будет.

Влад, который в этот момент держал в руках ходовые сапоги Инги, замер. Его широкие плечи неестественно окаменели. Инга не видела его лица, но почувствовала, как воздух в комнате вмиг стал густым и холодным, словно в открытое окно пахнуло ледяным дыханием северной тайги. Влад медленно повернулся. Лицо Хранителя стало непроницаемым, а в глубине потемневших глаз застыла глухая, ледяная решимость.

«Девять... — гулким набатом ударило у него в голове. — Снова девять. Она набрала девятку. Сорни-Най уже открыла свой счёт, Гора ждёт именно это число. Я не пушу её туда в таком составе!»

— Нет, — спокойно, но с таким железным нажимом, от которого Инга невольно вздрогнула, произнёс Влад. — Девять человек туда не пойдут.

— Влад, билеты куплены, списки в МЧС поданы! — Инга растерянно развела руками. — Мы не можем сейчас никого убрать, люди полгода готовились!

— Убирать никого не нужно, — Влад подошёл ближе. Его голос звучал ровно, но в нём чувствовалась непреклонная сила. Он бережно коснулся её волос. — Состав группы изменится. Доверься мне, Ингусь. Ни о чём не спрашивай. Я всё улажу.

Он развернулся, подхватил с вешалки куртку и быстро вышел из квартиры, на ходу доставая телефон. Инга осталась стоять посреди комнаты, в полном недоумении глядя на закрывшуюся дверь.

Весь оставшийся вечер и ночь Влад провёл на ногах. Ему нужно было сломать это роковое число, разрушить смертельный лимит, но так, чтобы никто ничего не заподозрил. Ему нужны были люди. Срочно. Настоящие, живые, способные сорваться в автономку на Северный Урал за несколько часов до поезда. Ближе к полуночи он наткнулся на Пашу — опытного уральского Барса, который как раз искал повод обкатать снарягу.

— Паш, есть дело, — без предисловий выдохнул в трубку Влад. — Прямо завтра. Срочный маршрут на перевал Дятлова. Место в ГАЗ-66 есть. Но ты едешь не один. Бери Алёну.

— Влад, ты с ума сошёл? — опешил на том конце провода Паша. — Мы только поженились, Алёна в жизни рюкзак тяжелее дамской сумочки не держала! Какой перевал под августовскими ливнями? Она же меня там приберёт!

— Паша, мне нужно, чтобы она пошла, — с глухим нажимом произнёс Влад, глядя на звёздное небо Екатеринбурга. — Ты сможешь её уберечь, я знаю. Сделай это ради меня. Списком МЧС я займусь сам. Влад положил трубу и тяжело вздохнул. Тайный щит был создан. Девять превратилось в одиннадцать. Теперь у его хрупкой женщины появился шанс вернуться из этого лабиринта живой и невредимой.

Январь, 1959 год. Свердловск. В заиндевевшем окне свердловской коммуналки отражался точно такой же сосредоточенный взгляд. Рустем Слободин затягивал шнурки на своих тяжёлых лыжных ботинках. Его лицо с живыми, пронзительными глазами было спокойным и надёжным. Рядом на столе лежала старая верная мандолина — Рустик бережно упаковывал её в брезентовый чехол, зная, что в таежной глуши её струны согреют сердца друзей. В дверь резко и весело постукали. На пороге вырос Игорь Дятлов — крепкий, уверенный, с сияющим взглядом лидера.

— Рустик, готов? — задорно крикнул Игорь, поправляя штормовку. — Ребята уже на вокзале, Семен Золотарев там вовсю анекдоты травит, Юдин рюкзак укладывает. Нас ждет Отортен! Поход высшей категории, парни, наш поезд уже под парами! Рустем улыбнулся, взял мандолину, переглянулся с Игорем, и они шагнули в морозный январский воздух, даже не зная, что уходят в вечность...

ГЛАВА 3. В ПУТЬ.

За день до отъезда Инга не могла найти себе места: ей было необходимо заглянуть на Михайловское кладбище — туда, где были похоронены ребята из группы Игоря Дятлова. Во время обеденного перерыва на работе она приехала туда. Быстро найдя нужную калитку — почти сразу у забора, — она отыскала памятник и могилы ребят.

Погибшие ребята смотрели с чёрно-белых фотографий — такие молодые, красивые. У Инги от скорби перехватило дыхание. Она положила на могилу несколько полевых цветов — тех самых, что утром сорвала у подъезда, — и, склонив голову, замерла. Пальцы её слегка дрожали, а ветер тихонько шевелил волосы, будто кто-то тихо шептал в ответ. Она смотрела на лица молодых людей и вела мысленный диалог, просила у них благословения на поход: «Ребята, пожалуйста, дайте мне и моей группе благословение на поход по вашим стопам. Мне очень тревожно и страшно, ведь с вами там случилась трагедия».

Станным образом её больше всего притягивал взгляд одного из туристов — Рустема Слободина. Его глаза казались такими живыми — он будто наблюдал за ней и тихонько улыбался. В этой улыбке она видела его надежды, мечты, лёгкий и волевой характер...

После возвращения на работу она случайно узнала, что Вова, её закадычный друг, тоже недавно посещал могилу группы Дятлова на Михайловском кладбище. Инга удивилась: насколько схожими были мысли у её друзей перед походом с её собственными переживаниями.

И вот настал день отъезда. Влад и Кир помогли загрузить вещи Инги во внедорожник Влада, и они двинулись к вокзалу — к точке сбора группы. По пути они, как ни в чём не бывало, обменивались шутками, строили планы на будущий сплав по реке Ай, стараясь не думать о предстоящем походе. Но Инга улыбалась в ответ на шутки, а взгляд её оставался напряжённым, и пальцы нервно теребили край куртки — будто она всё ещё слышала эхо того кладбищенского ветра.

— Мам, а ты не забыла новый фильтр для воды, который я заказал тебе недавно? — спросил Кир.

— Кирюша, я положила его в боковой карман рюкзака, чтобы он всегда был под рукой, — Инга потрепала сына по вихрастой макушке. — Обязательно сразу же очисти воду из Ауспии на первой же стоянке.

— Мам, а гудок, ну тот самый, для отпугивания медведя? — продолжал допытываться он.

— Сыночек, ну конечно, взяла. Вот он, рядом с фильтром. Знаешь, я даже специально положила их рядом, потому что ты об этом просил, — тихо добавила она, чуть смягчая голос, чтобы скрыть внутреннюю дрожь.

Влад молчал, сосредоточенно глядя прямо перед собой, лишь изредка поглядывая на Ингу. Очень скоро они подъехали к вокзалу Екатеринбурга. Выгрузив её рюкзак, вся троица направилась к платформе.

Суэта екатеринбургского вокзала оглушала. Пахло креозотом, горячим кофе из привокзальных ларьков и дорожной тревогой. Группа Инги уже собралась у третьего вагона поезда «Екатеринбург — Приобье». Рюкзаки громоздились на асфальте аккуратной кучей. Ребята — проверенные туристы — шумно переговаривались, проверяли билеты и смеялись.

Инга стояла чуть поодаль. Влад крепко обнимал её одной рукой за плечи, а сын Кир, задрав голову, серьезно поглядывал на мать. На шее Инги под курткой привычно пульсировал теплом сиреневый кварц.

— Ну что, ребята, все в сборе? — весело крикнула Ника, сверяясь со списком в телефоне. — Нас... погоди-ка. Инга, должно быть еще двое!?

Инга обернулась и застыла. Через толпу провожающих, тяжело дыша, продирались еще два человека. Парень — крепкий, загорелый, с огромным профессиональным рюкзаком, на котором красовался новенький туристический коврик. И девушка — миниатюрная, с аккуратно уложенными волосами, в абсолютно чистой, явно только что купленной ходовой куртке. В её руках был рюкзак поменьше, который она несла с таким выражением лица, будто ей подсунули мешок с кирпичами.

— Привет! Мы успели! — Паша перевел дух и протянул Нике паспорта. — Я Паша, это Алёна. Мы в деле. Влад сказал, у вас есть места в заброске. Еду мы себе на эти дни взяли согласно раскладке турклуба. С руководством всё обсудили и уладили.

Инга резко повернулась к Владу. Тот смотрел на прибывших молодоженов абсолютно спокойно, и лишь в глубине его глаз на секунду промелькнуло облегчение. Его тайный план сработал.

— Влад? — Инга вопросительно изогнула бровь. — Ты обещал всё уладить, но... молодожены? На Перевал? За пару часов до поезда?

— Они надежные, Инга, — тихо, на ухо ответил Влад, прижимая её к себе чуть крепче. — Паша — опытный уральский Барс, он её убережет. А тебе нужны были люди. Доверься мне. Так надо.

«Надо... — думал Влад, провожая взглядом Алёну, которая уже тихонько выговаривала мужу что-то про отсутствие биотуалетов в плацкарте. — Теперь вас одиннадцать. Проклятая девятка сломана. Гора не сможет забрать тебя, Инга».

— Проводница посадку объявила! По коням, народ! — скомандовала Ника, легко закидывая свой гигантский рюкзак в тамбур вагона.

Кир крепко, по-мужски обнял Ингу за талию: — Мам, удачи. Мы с Владом за тылом присмотрим. Плот будет готов к твоему приезду!

Влад поцеловал её в губы долгим нежным поцелуем, коснулся пальцами камня на её шее: — Я с тобой каждую секунду. Ничего не бойся.

Инга шагнула на подножку вагона. Проводница тяжело захлопнула железную дверь. Поезд вздрогнул, глухо стукнули буфера, и перрон Екатеринбурга вместе с машущими Владом и Киром медленно поплыл назад, растворяясь в вечерних огнях. Инга шла по узкому коридору плацкарта, а в голове крутилась одна навязчивая мысль. Она пересчитала группу по головам. Одиннадцать. Их зачем-то стало одиннадцать. Зачем Влад это сделал? Она еще не знала, что этот каприз Хранителя только что все изменил.

Ребята закинули свои рюкзаки на верхние полки, расстелили постельное белье и собрались все вместе в плацкарте Инги и Вовы. Паша и Алёна вскоре присоединились к основной группе. Молодожены привлекли внимание не только Инги, но и всех туристов. Ребята вопросительно поглядывали на них.

Паша, чтобы нарушить неловкое молчание рассказал их историю. Они с Алёной познакомились два года назад в Екатеринбурге, и это не была любовь с первого взгляда. Алёна тогда была яркой, успешной, но совершенно выгоревшей карьеристкой — дизайнером в крупном агентстве. Она жила на кофе и антидепрессантах, пряча внутреннюю пустоту за дорогими шмотками, идеальной укладкой и циничными шуточками. Мир казался ей пластиковым. А Паша... Паша был полной её противоположностью. Простой, немногословный парень, который работал инженером по технике безопасности на буровых установках и полжизни провёл в тайге. Он знал цену настоящим вещам, умел молчать часами и не пытался казаться кем-то другим.

Их столкнул случай на пригородной заправке, когда у Алёны в ливень заглохла машина, а из глаз катились слёзы бессилия. Паша не стал сыпать комплиментами — он просто молча починил клемму, протянул ей термос с горячим таёжным чаем из лесных трав и сказал: «Вам нужно выдохнуть. Города забирают слишком много сил». Пвел буквально вытащил её из

депрессии. Он показал ей, что мир — цветной, сочный и честный. Он научил её смотреть на звёзды, не стесняться своих слёз и громкого смеха. Именно ради него, ради его мира, Алёна — сугубо городская девчонка — согласилась на этот безумный и опасный поход к Перевалу Дятлова.

Паша вел свой рассказ, а Алёна молча держала его за руку и всматривалась в лица своих новых знакомых, ведь именно с этими людьми ей предстояло пройти недельный поход и не где-нибудь, а на Северном Урале.

Постепенно разговоры стали более расслабленными, молодожены понравились всем, стали вместе вспоминать свои походные истории, запивая печенье ароматным чаем из стаканов с фирменными подстаканниками РЖД.

Январь, 1959 год. Свердловск. Перрон вокзала пахнул углём, железом и морозным ветром, который пробирался под воротники и заставлял плотнее кутаться в телогрейки. Над путями висел белёсый пар от паровоза, он вздыхал тяжело, будто ворчал на долгую стоянку. Где-то рядом лязгали сцепки, и этот звук казался особенно громким в промежутке между гудками.

Игорь Дятлов на секунду задержался у края платформы, проверяя взглядом всю группу: рюкзаки сложены, люди на месте. Он чуть приподнял руку — не приказ, а просто жест, чтобы все поняли: пора.

Ребята двинулись к вагону. Зина Колмогорова, стараясь не споткнуться о стыки рельсов, крепко держала ляжку рюкзака и улыбалась, будто сама себе доказывала, что всё идёт как надо. Рядом с ней Людмила Дубинина чуть притихла: она смотрела на паровоз, на клубы пара, и в её взгляде было что-то похожее на предвкушение — и немного на тревогу.

Георгий Кривонищенко, как всегда, не мог удержаться от шутки: «Ну вот, теперь точно не сбежишь!» — и хлопнул Рустема Слободина по плечу. Рустем только хмыкнул, поправил шапку и кивнул в сторону вагона: мол, давай, не стой. Поправил свою мандолину и сделал шаг к вагону.

У подножки проводник в форменной фуражке коротко глянул на билеты, махнул рукой: «Проходите, да побыстрее, стоянка короткая». И они потянулись внутрь — сначала сами, потом тяжёлые рюкзаки, втаскивая друг друга, смеясь над тем, как тесно и неловко всё это получается.

В тамбуре пахло старым деревом, мазутом и чаем из термоса. Кто-то чихнул, кто-то засмеялся, и этот смех сразу сделал всё проще: вот они, уже в дороге. В купе было тесно, но уютно: полки, откидной столик, тусклый свет лампы под потолком. Рюкзаки кое-как пристроили внизу и на третьих полках, так что они нависали над головами, как молчаливые стражи похода.

Когда поезд наконец дёрнулся, все на мгновение замерли, прислушиваясь к этому знакомому ритму — сначала медленный, неуверенный, а потом всё более уверенный стук колёс. Зина достала блокнот и быстро записала: «24 января. Едем в Ивдель. В окне — тёмные силуэты сосен и редкие огоньки станций. Холодно, но внутри тепло от того, что мы вместе».

Игорь сел у окна, смотрел, как перрон отъезжает назад, как растворяются в темноте фигуры случайных прохожих, и думал о маршруте, о карте, о том, сколько ещё предстоит пройти. Но в ту минуту, пока вагон набирал ход, было не только про расчёты и километры. Было про то, что приключение уже началось.

ГЛАВА 4. В ОБЪЯТИЯХ ИВДЕЛЬЛАГА.

Стук колёс прекратился внезапно. Ивдель встретил группу глухой утренней темнотой, пронзительным северным холодом и запахом сырой хмурой тайги. Сонные, но мгновенно оживившиеся туристы вываливались из вагонов на перрон, сгибаясь под тяжестью огромных, весящих по двадцать – двадцать пять килограммов рюкзаков.

У привокзальной площади, в тусклом свете редких фонарей, Ингу и её ребят уже ждала заброска. Зрелище было монументальным и пугающим: огромные, хищные силуэты «Уралов» и «Шишиг» (ГАЗ-66) застыли в ряд. Колонна из трёх машин должна была забросить не только группу Инги — другие грузовики везли туристов, которые пойдут на далёкое плато Маньпупунёр. Возле кабин, лениво переговариваясь, стояли водители в глухом камуфляже. Огоньки их сигарет вспыхивали в темноте, как глаза ночных таёжных хищников, пока они оценивающим взглядом мерили заспанную толпу прибывших.

Группа шумно расселась по местам. Инга устроилась на самом почётном и стратегическом месте — в кабине, прямо рядом с водителем Александром. Мужчина уверенно крутанул тяжёлый руль, мотор взревел, и «Урал», качнувшись на гигантских колесах, тронулся в путь.

Первые часы до Вижая дорога была на удивление хорошей. За окном в предрассветной темноте проносились редкие, сиротливые домики Ивделя и глухих пригородных посёлков. Александр молчал, сосредоточенно вглядываясь в полотно дороги, а Инга смотрела на проплывающие мимо чёрные силуэты уральских елей. Мандраж, который она так тщательно скрывала от ребят, теперь ворочался в груди холодным скользким комом. Первую остановку колонна сделала в полузаброшенном посёлке Вижай — прямо у мемориала погибшим Дятловцам.

Инга вышла из кабины, вдыхая сырой утренний воздух. Поёжившись, она подошла к мемориалу. Черные таблички в предрассветных сумерках выглядел сурово. Девять имён. Девять лиц на чёрном фоне. Именно здесь, в Вижае, в пятьдесят девятом году ребята в последний раз ночевали в цивилизации, прощаясь с местными жителями. Инга смотрела на их лица, и её накрыла волна сожаления, такие молодые ребята, сильные, смелые, оставили эту жизнь. Слезы сами собой навернулись на глаза. Вообще в последнее время Инга много плакала, переосматривая художественные и документальные фильмы о ребятах. Вновь накатила тревога перед неизвестностью, которая ждала их там, впереди, за границей этого последнего форпоста людей. «Зачем мы здесь? Пустит ли нас Гора? Зачем Влад добавил ещё двоих?..» — вопросы крутились в голове, но ответа не было. Была только звенящая тишина Севера.

— Ну что, погнали дальше? Дальше весело будет, — вывел её из оцепенения хриплый голос Александра. И весело стало почти сразу. За Вижаем дорога кончилась, уступив место настоящему таёжному месиву. В этом году уральские реки взбесились — из-за непрекращающихся ливней вода поднялась и разлилась так, как не разливалась уже много лет. Машина с рёвом преодолела вброд Северную Тошемку, а затем ещё бурную реку Ушминку, сделав короткую остановку на узкой каменистой косе прямо между бурлящими потоками воды. Вокруг была только стихия.

На этом большом привале группа с облегчением вылезла из грузовика и разминала ноги, гуляя между волн реки. Настя, аккуратно поправив куртку, присела у самой воды, подставив лицо прохладному уральскому ветру. Рядом, тяжело отдуваясь, но довольно улыбаясь, устроился Гена. Он бережно снял свои очки, протёр их полой ветровки от набежавшего тумана и посмотрел на бегущую воду Ауспии.

— Ну что, Гена, — весело подмигнула ему Настя, поправляя лямки. — Это тебе не кавказская «Тридцатка». Там мы с тобой под южным солнышком к морю спускались, а тут — суровая северная парма. Не пожалел, что ввязался?

— Да ты что, Насть, какой пожалел! — Гена заново водрузил очки на переносицу, и его глаза заблестели тем самым чистым, мальчишеским азартом, который ломает любые походные трудности. — Я в эти горы безумно давно хотел. Этим летом прямо заклинило: надо реализовать хотелки, жизнь-то идёт. Рассматривал даже Пупы, представляешь? Замахнулся на плато к идолам манси. Но потом прикинул трезво: давно нигде не был, надо для почина обновиться на коротком варианте. Вот выбор и пал на Перевал Дятлова.

— Ого, на Пупы он захотел! — рассмеялась Настя, протягивая ему флягу с водой. — Но выглядишь ты, кстати, отлично. Я думала, айтишники и книжные парни на первом же километре раскиснут.

— А я подготовился! — гордо улыбнулся Гена. — Специально перед походом чуток физику подтянул, бегал, тренировался. Согнал порядка десяти килограммов, и знаешь, это сейчас нереально помогает! С загрузкой рюкзака я, конечно, слегка пролетел — набил лишнего, но в целом норм, пойду в своём темпе. Мне уральская природа вообще ближе, чем города. Города высасывают, а здесь всё новое, живое. Я ведь до этого на Конжак ходил причём в самый суровый зимний вариант. Там, конечно, свои особенности были — мороз, курумник под снегом... Но этот Перевал, Ауспия, эти вековые ели — это совершенно другой уровень. Я чувствую, что я на своём месте. Настя тепло посмотрела на своего товарища. С Гены сошёл весь его городской, стеснительный налёт. На фоне этой суровой тайги он выглядел настоящим, сильным уральским парнем, который точно знает, зачем сделал этот шаг.

Александр громко свистнул, и группа снова заняла свои места в «Урале». Под рев мотора она пересекли остаток водной преграды. Грузовик бросало из стороны в сторону. Огромные глубокие лужи, в которых «Урал» утопал по самые фары, сменялись вывороченными, скользкими брёвнами старой гати. Эту дорогу когда-то строили заключённые старых лагерей Ивдельлага — строили на костях, среди болот, и эта тяжёлая, мрачная энергетика прошлого до сих пор сочилась из каждого вывороченного пня.

Постепенно стеснение, которое возникает между незнакомыми людьми растаяло, и Инга с Александром стали рассказывать друг другу разные походные истории. Как оказалось, водитель увлекался охотой и часто посещал эти места вместе со своим отцом. Были случаи, когда сталкивался с медведем, но каждый раз встречи заканчивались без агрессии зверя, медведь просто отходил в сторону или прятался.

Инга вела беседу, смотрела вперед на дорогу, и все же улавливала суровую красоту этих мест. То и дело в рассветных лучах солнца на верхушках елей встречалась плотная паутина, своеобразно украшая их макушки, со стороны это выглядело по меньшей мере необычно и очень забавно.

Алёна на заднем сиденье кузова уже тихо и обречённо ворчала на Пашу, Паша свято молчал, а остальные ребята кто спал, раскачиваясь из стороны в сторону, а кто судорожно держались за поручни.

Наконец, сделав последний отчаянный рывок, машина переехала на левый берег реки Ауспии и замерла. Глухой таёжный тупик. Точка старта.

Выйдя из кузова, ребята устроили быстрый перекус прямо на стоянке: нарезали бутерброды, жадно глотая остывающий чай. Новый знакомый Инги предложил ей горячий кофе, они залезли в кузов машины, который ребята уже очистили от своих рюкзаков, выпили по чашке кофе и простились с Александром, возможно навсегда.

В это время ребята закончили свой завтрак, переоделись в сапоги и непромокаемые штаны. Саша впервые за эту поездку запустил свой дрон, чтобы после смонтировать видео о грядущем походе.

И вот — момент истины. Когда Гена помог закинуть огромный рюкзак на плечи Инги, она невольно крикнула с непривычки. Тяжесть в двадцать килограммов мгновенно вдавила её в сырую землю, плечи обожгло ремнями. Но Инга — уральский Барс. Она поправила свои

локоны, сделала глубокий вдох, встала за инструктором Никой, подстроилась под её чёткий, размеренный темп и уверенно пошла вперёд, в глубь леса...

Январь, 1959 год. Первый Северный. Морозный воздух в Первом Северном будто звенел от холода, но в глазах ребят горели азарт и предвкушение пути. По команде Игоря группа, поправив рюкзаки и лыжи, дружно шагнула прочь от посёлка — в сторону глухой уральской тайги. Скрип снега под лыжами сливался с короткими шутками и бодрым переговариванием: страх перед суровой дорогой тонул в общей уверенности. Впереди лежали километры троп, и каждый из них верил — этот поход станет историей.

Рустем шёл чуть позади, размеренно и спокойно, как привык идти всегда. На привалах он первым снимал рюкзак, помогал товарищам, а потом, чуть в стороне, тихо перебирал струны мандолины — будто настраивал не инструмент, а весь этот день под мерный скрип тайги.

ГЛАВА 5. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ТРОПЕ НА ПЕРЕВАЛ.

Тропа встретила их сурово: огромные лужи, жидкая грязь, в которой вязли ботинки, и коварные, скользкие коряги. Но Инга шла твёрдо. С ней были её верные друзья — надёжный Вова, собранный Саша, весёлые Настя и Катя. Чуть позади шагали Лена из Челябинска, москвич Костя, Гена из Екатеринбурга и молодожёны, замыкающие цепочку. Паша шёл молча, бережно придерживая Алёну за локоть на скользких участках, а Алёна, хоть и ворчала тихонько на сырость, мужественно переставляла ноги.

Инга шла, обходя очередную топь, и её пальцы крепко сжимали треккинг-палки. На шее под ветровкой, отвечая на каждый шаг, тихо и спасительно пульсировал теплом камень Влада. Она ещё не знала, что через несколько километров тайга покажет ей свой первый тайный знак.

Сзади всех, контролируя группу и не затыкаясь ни на минуту, шёл Вова. Ирбит подарил уральскому туризму удивительного человека. Глядя на этого крепкого, уверенного мужчину, трудно было поверить, что в детстве Вовка был главным кошмаром ирбитских учителей — хулиганистым, бойким, вечно лезущим в драки и авантюры пацаном. Но этот пацан рос природённым лидером. В студенчестве его взрывная энергия выплеснулась на сцену: Вова стал капитаном команды КВН, способным одной шуткой поднять на уши полный зал.

А потом поехал вожатым в детский лагерь — и там его жизнь перевернулась. Именно там он встретил Марину. Она была вожатой из соседнего отряда — удивительно чистая, искренняя девушка, которая тронула весёлого ирбитского хулигана до самой глубины души одним взглядом своих честных глаз. Вова влюбился наповал, раз и навсегда. Марина редко разделяла его страсть к суровым таёжным маршрутам, предпочитая домашний уют и тихие семейные вечера, но она стала его надёжным тылом, его главным якорем на земле. Вова обожал свою семью больше всего на свете. Сейчас, шагая по тропе, он то и дело вспоминал, как ещё в августе они с Мариной собирали в школу младшую дочку, Василису — мелкая только-только пошла во второй класс, а старшая, Полина, уже училась в старшей школе и вовсю перенимала отцовский походный характер. Вова мечтал, что когда-нибудь приведёт дочерей сюда, чтобы показать им величие Урала.

Вова обернулся, его лицо озарила широкая, вожатская улыбка.

— Эй, честная компания, поднажми! Кто первый дойдёт до стоянки, тому лично пожарю фирменный сухарь! Ингусь, как кудряшки, не сдувает? Инга рассмеялась, поправляя рюкзак. С Вовой в тылу страха не было. Он был их правой рукой, их вторым неформальным лидером.

Чуть позади Вовы, размеренно и чётко перешагивая через торчащие корни елей, шла Настя. Глядя на эту невысокую, невероятно подвижную и улыбчивую девушку, с черной длинной косой, Инга невольно поймала себя на мысли: как же здорово, что Настька сорвалась с ней на Северный Урал. Они сдружились год назад во время поездки на Усьву. Настя тогда была типичной городской активисткой: вечно организовывала какие-то марафоны, благотворительные забеги, фестивали, но в настоящей дикой тайге Пермского края оказалась впервые.

Там, на Усьве, среди ущелий и пещер, Настя раскрылась с удивительной стороны. Она не была лидером, не пыталась вести группу за собой или спорить о маршрутах с инструкторами. Её суперсила заключалась в другом — Настя умела быть идеальной опорой. Когда на Ладейной горе группа попала под затяжной уральский ливень и все приуныли, именно Настька, промокшая до нитки, вдруг начала громко и фальшиво петь походные песни, заставив всю команду хохотать сквозь зубы. Она была из тех редких людей, кто без лишних слов подхватит тяжёлый кан, сбегает в темноте за дровами или просто молча сядет рядом, когда тебе тяжело.

Инга знала, что Настя пошла на Перевал Дятлова во многом ради неё, чтобы поддержать подругу в её сложном, сакральном поиске. Настя не верила в мистику, не искала тайные знаки в цифрах, но она верила в дружбу. И её тёплый, земной южный адреналин идеально уравнивал холодную тревогу Инги перед Горой Мертвецов. Настя обернулась к Инге, её глаза под походной банданой задорно блеснули:

— Ингусь, ну и глушь тут у вас на Урале! Чистый восторг! Кавказ, конечно, помягче будет, но здешний воздух — это просто космос. Поднажми, подруга, а то Вовка сейчас все сухари в одиночку слопаёт!

Инга улыбнулась, хорошо, что подруга рядом, и задумавшись пошла дальше по тропе. Воздух в тайге был настолько перенасыщен влагой, что Инга то и дело ловила себя на странной мысли: они не дышат, они буквально пьют этот воздух, как рыбы, приспособившиеся жить в воде. Непрекращающаяся сырость висела плотной пеленой. Пейзаж вокруг казался декорацией к древней сказке: с ветвей гигантских вековых елей свисали длинные, седые пряди лишайника-бородача. Эти мохнатые гирлянды окутывали лес, придавая ему какое-то мистическое, запредельное очарование. Инга, выросшая на более сухом Среднем Урале, никогда в жизни не видела ничего подобного. Лес казался живым и... наблюдающим. Шли тяжело, обходя глубокие топи и скользкие коряги.

Инга улыбнулась — хорошо, что подруга рядом, — и, задумавшись, пошла дальше по тропе. Воздух в тайге был настолько перенасыщен влагой, что Инга то и дело ловила себя на странной мысли: они не дышат, они буквально пьют этот воздух, как рыбы, приспособившиеся жить в воде. Непрекращающаяся сырость висела плотной пеленой, оседая мельчайшими каплями на капюшоне и ресницах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.